

6. Флоренский П. А. Воспоминания // Литературная учеба. 1988. № 2. С. 144—176.
7. Половинкин С. М. О студенческом математическом кружке при Московском математическом обществе в 1902—1903 гг. // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. 30. С. 148—158.
8. Флоренский П. А. Диэлектрики и их применение. Часть I. Общие свойства диэлектриков. М., 1924.
9. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914.
10. Флоренский П. А. Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания» // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. 30. С. 159—177.
11. Некрасов П. А., Лахтин Л. К., Лопатин Л. М., Мишин А. П. Н. В. Бугаев. Речи. Т. 2. М., 1903.
12. Флоренский П. А. Об одной предпосылке мировоззрения // Весы. 1904. № 9. С. 24—35.
13. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М., 1922.
14. Флоренский П. А. Экспериментальное исследование электрических полей // Электричество. 1923. № 7—8. С. 325—332.
15. Флоренский П. А. О формулировке законов электромагнетизма // Электричество. 1923. № 11. С. 537—544.
16. Харвей А. Ф. Техника сверхвысоких частот. Т. 2. М., 1965.
17. Быков Н. И., Кантерев П. Н. Вечная мерзлота и строительство на ней. М., 1940.

С. П. НОВИКОВ

МАТЕМАТИКИ И ФИЗИКИ АКАДЕМИИ 60—80-х ГОДОВ

От редакции

Вниманию читателей предлагаются воспоминания академика Сергея Петровича Новикова, написанные в 1991 г. в жанре «устной истории», где речь идет о некоторых событиях жизни нашей академической элиты 60—80-х гг., т.е. о днях вчерашних, которые, строго говоря, еще не стали историей. Однако течение времени в нашей стране за последние годы приобрело весьма стремительный характер, и, читая эмоциональный рассказ Сергея Петровича, ловишь себя на мысли, что происходило все это очень давно. Хотя описанные события еще живы в памяти, а многие действующие лица, слава Богу, здравствуют, все это, кажется, случилось в какой-то иной жизни. Да и то правда, что для молодых читателей текст этот уже требует комментария.

Любые воспоминания — документ субъективный, и за точность приводимых в них фактов, а тем более за характер делаемых оценок, ответственность несет сам автор. Мы подчеркиваем это очевидное обстоятельство только потому, что далеко не все авторские оценки можем принять. Как ни рассматривать роль И. М. Виноградова в жизни советского математического сообщества, не стоит преуменьшать значения его математических достижений. Нельзя, на наш взгляд, без оговорок согласиться и с сугубо негативной оценкой морального климата в среде математиков той поры. Отдавая должное высокой гражданственности позиции ведущих физиков и признавая справедливость упреков автора в адрес некоторых лидеров математического сообщества той поры, мы не в праве забывать, что среди лиц, определявших общественное лицо отечественной математики, были такие светлые и активно действовавшие фигуры, как И. Г. Петровский и В. И. Смирнов. В конце концов упоминаемое автором письмо «девяноста девяти», вышло все-таки из математической среды... Мы упоминаем здесь лишь несколько характерных примеров, далеко не исчерпав подобный список.

Изучение социальной истории отечественной математики только начинается. Вопрос об эволюции общественной атмосферы в советском математическом сообществе представляется здесь одним из центральных. Корни многих событий послевоенной математической жизни следует искать в обстоятельствах «темного» периода конца 20—30-х гг., отмеченных битвами «на ленинградском математическом фронте», преследованием Д. Ф. Егорова и «делом академика Н. Н. Лузина».

Все эти события не столь уж далеко ушли от нас по времени. Тем не менее для правильного их исторического понимания не хватает документов (большинство из них просто сознательно уничтожалось) и свидетельств непосредственных участников, у которых очень редко возникала мысль о необходимости оставить запись о происшедшем. Л. А. Люстерник сетовал, что, присутствуя вместе с Н. Н. Лузиным в Петрограде на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения П. Л. Чебышева, и слушая доклад А. А. Маркова, содержащий интереснейшие воспоминания о жизни и творчестве великого математика, он не догадался записать услышанное. Не сделал этого и никто другой. В результате пропали для истории науки ценнейшие сведения. Погибли, как погибали и погибают, многие важнейшие свидетельства нашей культурной истории. Мы должны быть особенно благодарны нашему известному математику, нашедшему силы и время написать воспоминания о событиях, участником которых он являлся, и предоставить их для публикации нашему журналу.

Семейные воспоминания

О семье Леонтовичей я знаю столько лет, сколько живу на свете. Мои родители, Петр Сергеевич Новиков и Людмила Всеволодовна Келдыш, учились в 20-х гг. вместе с Михаилом Александровичем Леонтовичем (Минькой) на одном курсе на физмате Московского университета. У них образовалась тогда компания, сохранившаяся на всю жизнь. В нее входили, кроме моих родителей и Леонтовичей, еще ряд известных физиков — учеников Леонида Исааковича Мандельштама: Александр Александрович Андронов (Шурка), женатый на сестре Леонтовича, семья Ландсбергов, Тамм — Нобелевский лауреат и учитель Сахарова (его называли Игорь Евгеньевич, поскольку он был на несколько лет старше), семья астрономов Парийских, глава которой Николай Николаевич (Коля) женился на однокласснице моей матери Лидии Викторовне (Лидя). Лидия Викторовна обладала писательскими способностями и написала интересные воспоминания. Простоту образа жизни и туристические обычаи эти люди сохраняли всю жизнь, пока позволяло здоровье. Даже я еще мальчиком 12—13 лет успел в этой компании один-два раза совершить небольшой поход на несколько дней на деревянной лодке (байдарок тогда не было). Маленькие дети Леонтовичей звали моего отца Петром, а мать — Людмилой. Других имен они не знали. Но я уже не осмеливался называть Михаила Александровича — «Минькой».

Академические дамы фыркали, глядя на неподобающую одежду и простой образ жизни Леонтовичей в Абрамцеве. Впрочем, сама Татьяна Петровна Свешникова (жена Леонтовича, тоже одноклассница моей матери) вызывала в моей памяти что-то религиозно-сектантское. Думаю, что жить с ней было нелегко.

Культом этой компании была не только честность во всем (в жизни, науке, общественных отношениях), но и готовность за нее бороться против сил темноты и дремучести, которые коллективный коммунистический интеллект постоянно натравливал против науки начиная с 1918 г. Противоречивое мышление ведущих вождей государства иногда под влиянием крайней необходимости пропускало в себя информацию извне и срабатывало так, что порядочные люди оказывались возведенными наверх, получив честь заседать в компании отпетых мерзавцев (иногда не лишенных, впрочем, живых способностей — особенно в добрежневский период). Так случилось с Андроновым, который после периода травли попал сразу в академики, а вскоре — в Президиум Верховного Совета. На этом посту он и умер от гипертонии, едва перевалив за 50 лет. Видимо, жизнь около Сталина была нервной, тем более если хочешь сделать что-то для людей.

Леонтовича, вероятно, тоже собирались возвышать после избрания в академики в 1946 г. Однако он сам воспрепятствовал этому. Отец рассказывал мне, что Леонтовичу поручили читать приветствие товарищу Сталину по случаю 70-летнего юбилея, кажется, на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук СССР в 1949 г. И Леонтович оскандалился: читая это приветствие, при перечислении здравниц в адрес вождя мирового пролетариата пропустил только что возникший титул — «корифей науки». Взволнованному партсекретарю, который в ужасе бросился к нему после заседания, он сказал: «Не готовился, от неожиданности пропустил это новое слово». Делу хода не дали, но Леонтовича органы безопасности постоянно считали способным совершить «вражеский вредительский поступок». Как рассказывают, Берия приказал терпеть его только из-за квалификации, необходимой для осуществления термоядерного проекта.

Не знаю, точны ли эти рассказы, дошедшие до меня через прямые семейные каналы, но они, вероятно, правдивее любых мемуаров и отчетов, опубликованных до 1988 г., ибо текст всегда угождал сегодняшним вождям, хотя под публикацией и стояла весьма достойная подпись выдающегося ученого или военного.

Уже в 60-х гг., когда сообщества физиков и математиков Академии наук официально отделились друг от друга, я нередко слышал вопрос: почему академическое сообщество талантливых физиков морально выше, чем сообщество талантливых математиков? Вытекало ли это различие из природы самой науки того периода или объяснялось сочетанием личных причин? Почему в кругу талантливых математиков того поколения совершилось глубокое разложение норм порядочности?

Я соглашаюсь с самим фактом. Действительно, после кончины Сергея Натановича Бернштейна лишь Иван Георгиевич Петровский, Леонид Витальевич Канторович и мой отец оставались теми крупными математиками-академиками, за незыблемую порядочность которых во все периоды их жизни лично я мог бы поручиться.

Мне кажется, что Андронов, Леонтович, Тамм, Сахаров своим влиянием в значительной мере определили уровень порядочности круга физиков. Остальные ведущие физики (даже и более яркие научно, как Ландау, или более высокие административно, как Курчатов, Арцимович, Александров) были под их моральным влиянием. Значительную роль — как высшего (хотя и труднодостижимого) примера для ученых — играла и своеобразная, очень крупная фигура Петра Леонидовича Капицы. Устраняясь от общественных дел и тонко проявляя уважение к высшим государственным властям, он с необыкновенным достоинством отсекал все их попытки втянуть его во что-то сомнительное; иногда ему удавалось помочь конкретным людям в беде. Некоторые в дальнейшем распускали слухи, что они тоже сделали что-то такое, что Капица делал открыто, — например, Виноградов говорил, что он тоже не согласился подписать письмо против Сахарова в 1973 г. Однако он говорил это после того как Суслов и Брежнев сочли письмо ошибкой, и кроме него самого никто засвидетельствовать этот поступок не может.

У математиков большое моральное влияние приобрел Иван Матвеевич Виноградов. Он встал на путь антиинтеллигентности и доносничества в интересах своей карьеры еще в 1929—1932 гг., а после войны вдобавок пошел работать идеологом-антисемитом. Это произошло вместе с началом сталинской антисемитской кампании 40-х гг. — именно тогда он и распространил легенду о своем природном антисемитизме, противоречащую его довоенному имиджу. Огорчительно, но приходится признать: именно математическое сообщество, благодаря Виноградову, а также тем научным администраторам и просто ученым, на которых он оказал немалое развращающее влияние, стало впоследствии одним из источников мерзкого фашистского духа. Справедливости ради надо, однако, заметить, что некоторые очень крупные ученые-математики, гораздо более крупные, чем Виноградов*, проявили совершенно независимо от Виноградова весьма сомнительные моральные качества иного рода (в тот период или позднее), но я имен не назову. Порядочность того поколения ученых держалась на физиках, и последним крупномасштабным ее носителем был Сахаров.

Академия: первая половина 70-х гг.

С середины 50-х и до конца 60-х гг. я, кажется, почти не встречался со старшими Леонтовичами и общался только с их сыном Андреем, учеником Арнольда на мехмате Московского университета. До 1968 г. моя академическая карьера складывалась весьма удачно: я успел быстро выполнить ставшие известными топологические работы и стать член-корреспондентом в 1966 г., до подписания известных писем правозащитного характера. После этих писем моя карьера и карьера моих коллег — «соподписантов» (к сожалению, запоздавших с избранием) надолго остановилась. Подписали аналогичные письма и мои родители, и Леонтович, и такие крупные математики, как, например, И. М. Гельфанд, А. А. Марков, Д. Е. Меньшов, В. И. Арнольд, Я. Г. Синай и другие, а также физики, многие интеллигенты. С этого момента в 1968 г. начался новый этап «перевоспитания» интеллигенции, так сказать, брежневская «культурная революция». Теперь заново расцвела и доносная деятельность Виноградова, который держал себя «прилично» весь период, пока влияние имели физики (до 1964 г.): препятствуя одним талантливым ученым, он противопоставлял им серьезных ученых, которых поддерживали бы и физики (хотя их вообще надо было не противопоставлять, а дать дорогу тем и другим).

Первое позорное избрание в член-корреспонденты произошло сразу после разделения математиков и физиков в 1964 г.: вместо Арнольда и Ладыженской избрали бывшего ученого секретаря Виноградова, его подручного по работе в системе КГБ, абсолютно не-

* Здесь не имеется в виду И. Р. Шафаревич: по моему мнению, к нему это описание не подходит.

компетентного в науке человека. Дальше — больше, а потом началась «культурная революция», век коррупции и бесстыдства.

Хотя Виноградов и помогал мне при избрании в член-корр в 1966 г., перевоспитать меня ему не удалось (а он так старался спровоцировать меня на какие-нибудь антисемитские акты или другие сомнительные действия, чтобы я стал «политически надежным членом общества», и вел со мной довольно мерзкие разговоры! Я молчал...). Когда в 1970 г. мне присудили Филдсовскую медаль, Виноградов тайно послал в райком доносную характеристику, публично заявив противоположное — что он-де активно меня «защищает»; эта акция сделала невозможной мою поездку на Международный конгресс математиков, где проводилось торжественное вручение награды.

Осенью 1970 г. Исаак Маркович Халатников пригласил меня к сотрудничеству с физиками-теоретиками из Института Ландау в Черногоровке*. С начала 1971 г. я начал там работать по совместительству, хотя Виноградов сделал все, чтобы этому воспрепятствовать. Фактически, в основном я стал работать именно там. В этой области в тот период начал возникать целый ряд новых замечательных математических задач, да и сообщество физиков жаждало освоить современные математические методы — топологию, динамические системы, новые идеи алгебры и алгебраической геометрии. Я очень рад, что в начале 70-х гг. ушел в это сообщество вместе с Яшей Синаем, покинув Содом и Гоморру. Официально на полную ставку я ушел туда в 1975 г.

В коридорах «Капичника» я начал встречаться с Леонтовичем. Мы разговаривали с ним то здесь то там, и он рассказывал очень любопытные вещи: я с интересом узнал, что обратная задача о восстановлении формы тела по его гравитационному потенциалу была поставлена моему отцу физиками, точнее, самим Леонтовичем (в связи с Курской магнитной аномалией), а не Лаврентьевым, как это иногда изображается некоторыми математиками. Лаврентьев около 1940 г. уже обобщал эту постановку после работы Петра Сергеевича 1938 г.

Я и раньше слышал от отца, что Леонтович презирает некоторых хороших математиков — в частности, Хинчина, Виноградова, но не знал почему. (Колмогорова же, напротив, он очень уважал.) Кажется, Хинчин не очень компетентно пытался заниматься основаниями статистической физики. С Виноградовым все гораздо забавнее. Когда в 30-х гг. Леонтович писал учебник статистической физики, он заинтересовался порядками флуктуаций термодинамических величин в процессе перехода к пределу бесконечного объема. Начиная со свободной Ферми-системы с периодическими граничными условиями при нулевой температуре, быстро приходишь к задаче о числе целых точек в шаре или на сфере целого радиуса. Игорь Владимирович Арнольд (отец В. И. Арнольда) сказал ему, что Виноградов — лучший знаток подобных проблем. Придя к Виноградову, Леонтович повел разговор на языке собственных чисел оператора Лапласа, а не на языке целых чисел. Что такое собственное число и собственный вектор, Виноградов не знал и отослал Леонтовича к Соболеву, предложив вместо этого выпить.

Леонтович не скрыл этой истории. В свою очередь Виноградов злобно отзывался о нем, а заодно возненавидел семью Арнольдов.

Однако шли 70-е годы. Тот круг выдающихся физиков, о котором я говорил выше, потерял доверие властей. В этом, видимо, сыграли свою роль и действия Сахарова, и количество «подписантов», и процент лиц еврейской национальности среди крупных физиков; возникло также желание доказать, что все их прошлые заслуги — раздуты. Все более и более явно антисемитизм становился генеральной линией партии, на втором месте после воровства и коррупции. Математики, готовые «служить», во главе с Виноградовым немедленно начали нападать в РИСО на книги физиков — на прекрасные учебники Леонтовича, Ландау—Лифшица и Зельдовича, — придираясь к пустякам и обвиняя авторов в некомпетентности. Даже глава физиков Академии Лев Андреевич Арцимович был сильно взволнован этой ситуацией. Леонтович даже говорил,

* Институт теоретической физики им. Л. Д. Ландау РАН был основан в 1965 г. группой выдающихся физиков-теоретиков, учеников Л. Д. Ландау — И. М. Халатниковым, Л. П. Горьковым, И. Е. Дзялошинским и А. А. Абрикосовым. В 80-х гг. Институт считался лучшим в мире по теоретической физике.

что эта ситуация сыграла свою роль в его безвременной кончине — у Арцимовича было плохое сердце.

В начале 1972 г. Александр Данилович Александров, Андрей Андреевич Марков и Ваш покорный слуга направили письмо в Комитет по Ленинским премиям, выступив против присуждения премии Виноградову за ничтожные пустяковые работы (у него после работ 30-х гг., за которые он получил Сталинскую премию, ничего серьезного не было). Письмо хотели скрыть, но Петровский его зачитал. Только из-за жесткоприказного давления председателя на Комитет сорвать присуждение премии нам не удалось, но это письмо вызвало множество разговоров. Именно после этой истории Леонтович стал проявлять ко мне особый интерес. Конечно, последовали «наказания»: меня вывели оттуда, отсюда, лишая мнимого «влияния» или просто нанося оскорбления, но все это уже сильно мою душу не трогало.

Гораздо важнее была эволюция Академии. Не без сильной помощи математиков со связями в Политбюро, от имени ядерной физики «наверх» без особого шума была выдвинута такая фигура, как Логунов. Он был выдвинут как «организатор науки». Иными словами, он был из тех, которые умеют командовать на строительстве бригадами солдат*. Начинать он в конце сталинской эры как аспирант профессора Терлецкого, боровшегося в философской печати с «реакционным эйнштейнианством». Логунов — это и был идеал ученого в интерпретации брежневской верхушки, и он сумеет сделать физику, как бы им хотелось, — «нашей». Кстати, сравнительно недавно профессор Терлецкий (которому к тому времени уже было около 80-ти) возражал против обвинения, где-то мелькнувшего в печати, что якобы в начале 50-х гг. «Леонтович сбросил его с лестницы». Терлецкий заявил, что это невозможно, так как он был физически сильнее Леонтовича.

60-е гг. сменились молчанием и безгласностью. Леонтович оставался последним, кто еще иногда выступал на Общем собрании против сомнительных лиц, появившихся на арене Академии в первой половине 70-х гг. В 60-х гг. таких выступлений было немало, но инициатива и тогда шла от термоядерных физиков, остальные лишь присоединялись. Старшее поколение ученых уходило, обстановка изменялась.

В 1975 г. начали искать замену президенту Академии наук, который уже несколько лет пребывал в тяжелом физическом и нервном состоянии. Счастливым образом (детали интриги я не знаю) удалось убедить Брежнева назначить на этот пост Анатолия Петровича Александрова, и это было лучшее из всех возможных тогда решений (позднее брежневщина сказала и на нем). Логунова приказали сделать вице-президентом. В это время Логунов организовал для Политбюро презентацию псевдонаучного материала «с Запада», критикующего программу управляемого термоядерного синтеза. Цель презентации состояла в том, чтобы не пустить Александрова в президенты, но Логунов проделал эту операцию научно некомпетентно. Да и Брежнев уже принял решение. На Общем собрании в конце 1975 г., где осуществлялась процедура «выборов» Президиума, Леонтович выступил с разоблачением Логунова в истории с этими «материалами». Он указал на полную некомпетентность Логунова в данном разделе физики. Я сам видел после заседания, как в кулуарах Дома ученых Логунов, опасливо выглядывая из-за угла, ожидал, когда Леонтович окажется один, чтобы «объясниться» с ним без свидетелей. Вероятно, ему нужно было «доложить», что он объяснился и что вся неприятная история осталась позади.

«Хитрый лис» А.П. Александров был назначен Главным Ученым вождем. Аналог сессии ВАСХНИЛ в физике откладывался. Поддержкой М. В. Келдыша он ловко заручился, обещав тому, как рассказывали, официально канонизированную версию «трех К — создателей ядерно-ракетного щита Родины», что означало — Курчатов, Келдыш, Королев (как тогда говорили, «щит три ка-ка»). Было такое обещание или нет, не знаю, но Александров все это проделал для Келдыша. Новый президент Академии начал также быстро продвигать умевшего нравиться вождям Рема Викторовича

* В СССР научных менеджеров было принято (особенно в брежневскую эпоху) изображать крупнейшими учеными, чтобы дать им академические чины. Это привело к плохим последствиям. Нельзя путать экспертов и менеджеров.

Хохлова, которого еще Петровский успел рекомендовать Брежневу как своего наследника на посту ректора МГУ. Хохлов был весьма достойный человек, редкостно умный. У физико-математических наук снова появились шансы, несмотря на общую деградацию страны. Даже среди математиков началась переориентация — первые же выборы в Академии были несравненно лучше предыдущих.

Мы выступаем вместе с Леонтовичем

В 1975 г. скандалы в РИСО команды Виноградова против физиков были в самом разгаре. Один из учеников Боголюбова — Борис Валентинович Медведев — возмутился, что вопрос о целесообразности переиздания «Квантовой механики» Ландау и Лифшица обсуждается некомпетентными людьми (хотя бы они и были академиками) и стал ее защищать. Немедленно Виноградов лично приказал Боголюбову вышвырнуть Медведева из Стекловки, а в РИСО поступила бумага за подписью директора МИАН им. Стеклова академика И. М. Виноградова, в которой утверждалось, что Медведев не представляет мнения МИАН и директор МИАН отзывает его из РИСО. Впрочем, Медведева вскоре устроили в ИТЭФ, а Отделение общей физики и астрономии приняло решение, осуждающее некомпетентное «обсуждение» физических книг в РИСО, причем в решении указывались имена этих некомпетентных лиц.

Ссора Виноградова и Боголюбова нарастала. Она оказала благоприятное воздействие на все последующие выборы в Академию, которые касались математиков. Мои деловые и личные отношения с таким выдающимся ученым, как Боголюбов (несмотря на все его дефекты), а также с его учениками, сотрудниками отдела квантовой теории поля МИАН — достойными интеллигентными людьми и серьезными специалистами — стали очень хорошими. В новых условиях Виноградов сделал ставку на очень талантливую ученого — Л. Д. Фаддеева (нелюбимого Боголюбовым), которого он быстро и оперативно выдвинул на должность директора ЛОМИ и в академики. Мы с Фаддеевым приложили все усилия, чтобы не поссориться, но кое с кем из весьма достойных ученых Виноградов сумел-таки Фаддеева поссорить.

В начале 1977 г. Виноградов в возрасте 85 лет (еще редкостно здоровый) переизбран директором на очередной пятилетний срок. Из Новосибирска мне позвонил А. Д. Александров и спросил: будем ли мы это терпеть? Нельзя ли привлечь Леонтовича и совместно выступить на Общем собрании? Я передал этот вопрос Леонтовичу, и он загорелся желанием выступить. Однако еще за несколько дней до Общего собрания не было ясно: готов ли Александров всерьез принять участие в этой акции? Несколько раз Леонтович звонил мне, спрашивал об этом в такой, я бы сказал, нетерпеливо раздраженной форме. Ему явно не терпелось. Наконец, Данилыч приехал в Москву и подтвердил свое твердое желание выступить. Было обещано, что сразу после выступления А. Д. слово будет предоставлено Леонтовичу. Данилыч сказал мне: «Вы пока член-корр, не академик. Мы выступим — Леонтович и я, а потом вся их команда начнет лгать. Не могли бы вы потом дать „справку“ и что-то опровергнуть как знаток Стекловки? Для член-корра справка — это хорошая форма».

Я обещал это сделать. Леонтович позвонил в мое отсутствие и сказал моей жене: «Чтобы я не наговорил лишнего, пусть Сережка напишет мне тезисы, что говорить. А то я забывать стал; да и сам я не удержусь от разговора о расизме».

Дело в том, что именно я убеждал Леонтовича не говорить об антисемитизме. Гадостей Виноградов сделал и без этого достаточно. Сам он именно и рассчитывал на разговор об антисемитизме, опираясь на поддержку, вытекающую из настроения высших властей. Накануне Общего собрания (Виноградов уже был переизбран директором Отделением математики, с несколькими голосами против) я передал Леонтовичу с помощью Льва Петровича Пятаевского (только что избранного член-корром) в запечатанном конверте написанный мною проект речи — на одну страничку. Идея была проста: привести только один пример, уже изложенный выше, а именно — рассказать о том, как шло обсуждение в РИСО книги Нобелевского лауреата Л. Д. Ландау и о том, как сложилась дальнейшая судьба скромного человека, квантового физика Мед-

ведева, который, искренне возмущенный некомпетентностью обсуждения, осмелился заступиться за книгу. Вот что происходит с физиком в Стекловке, вот как теория чисел управляет физикой!.. И — все. Это Леонтович и сделал на Общем собрании, несколько усовершенствовав предложенный текст и выучив его наизусть. Речь его была блестящей и звучала как дополнение к речи Данилыча. По-моему, даже его старый друг Анатолий Петрович, президент АН, растерялся. Он, видимо, ждал разговора о расизме и считал его для себя невыгодным.

Первой была речь Данилыча. Ее содержание было для меня неожиданностью. Гениальное — всегда просто. Он начал так: «Распространена официальная справка о Виноградове как директоре института. Она не соответствует действительности. В ней написано, что он — бессменный директор с 1934 г. Все знают, что в годы войны директором был знаменитый математик — академик Соболев. Все это — клевета на Соболева, попытка аннулировать его заслуги в трудные годы войны и т. д.». Далее говорилось о преследовании ученых в Стекловке, была названа и моя фамилия.

Затем была речь Леонтовича, и потом, как ожидалось, «команда» начала долго и упорно лгать; в процессе лжи, между прочим, кто-то сказал и про меня: как меня поддерживал и выдвигал этот кристальной честности человек — Виноградов. Наконец председательствующий на Общем собрании В. А. Котельников сказал: «Все, кончаем. Больше слова никому не даю. Все ясно».

Тут настала моя очередь. Председатель слова мне не давал, но я просто встал и пошел на трибуну: «Моя фамилия упомянута в дискуссии, я должен дать справку. Да, Иван Матвеевич иногда выдвигал молодые таланты — например, меня...» В зале — смехок, крики. Я взял себя в руки и усилил голос: «Но еще большому количеству талантливых ученых он принес зло, никуда их не пускал, преследовал...» (Далее я привел пример Чернавского, ученика моей матери, изгнанного из Стекловки вскоре после своего прекрасного топологического результата, который нашел серьезное международное признание.) Затем я сел. Как я заметил, Рем Хохлов из Президиума посмотрел на меня одобрительно.

Симпатичный человек и хороший математик, зам. Виноградова по МИАН, Юрий Васильевич Прохоров, видимо, по приказу выступил после меня и опять стал возносить благодарения, оказанные Виноградовым молодым ученым. Академик Кнунянц (химик) крикнул с места: «А Вы какой пост в этом институте занимаете?» Прохоров растерялся и сел. Дискуссия закончилась. (Позднее Прохоров всегда меня поддерживал, а Виноградову показал кукиш.) Президент Александров сидел с задумчивым видом. Как я полагал, он не хотел допустить провала Виноградова и перенес продолжение заседания и само голосование на следующий день. Варварская процедура, введенная за 4—5 лет до этого, когда один из президентов Академии сам избирался директором, предусматривала, что надо решить открытым голосованием: будут голосовать директоров тайно или открыто? Да и то только, если кто-то потребует тайного голосования. Но в данном случае Собрание открыто постановило, что голосование будет тайным. Это — уникальный случай. Испуг команды Виноградова был значителен. Они думали, что он провалится.

Но этого не произошло. Он собрал более 1/3 голосов «против» и провалился бы на выборах в академики или член-корр. Но здесь требовалось всего 50% «за», и недействительные бюллетени считались как «за». Он прошел, кажется, с 74 голосами «против» из примерно 180 голосовавших. Академики дисциплинированы, и многие привыкли бросать свои бюллетени, ничего не черкая.

Однако такие результаты уникальны для подобных голосований в Академии: ведь речь шла о значительном ученом, уже старом, научный авторитет которого раздували куда больше, чем это делала известная лягушка из басни. История наделала много шума. Говорят, что президент приказал навести порядок с Соболевым, которого он лично знал и уважал. Но аппарат обнаружил, что в Стекловке нет документов, подтверждающих пребывание Соболева на посту директора. Куда же они делись? Видимо, история нашей математики заслуживала бы и криминального расследования сохранности и достоверности документов.

Мы с Данилычем поехали ко мне и хорошо выпили, обсуждая детали дискуссии. Официальная Стекловка была растеряна, простые люди посмеивались*. Никогда на Общем собрании Академии, ни до ни после, кандидатура директора института не обсуждалась таким образом; президент Марчук во второй половине 80-х гг. отменил процедуру утверждения директоров Общим собранием. Это было сделано, как я считаю, из своеобразного уважения к нам с Данилычем: он хотел сделать директором своего друга, против которого мы уже высказались в кулуарах.

Тень Леонтовича

Летом 1977 г. нелепо погиб Хохлов, которого А.П. Александров уже сделал вице-президентом, а в ближайшее время собирался, как говорили, передать ему пост президента АН, это уже было «согласовано» в ЦК КПСС. Вновь замаячила фигура Логунова. Не без рекомендации математиков он был назначен Брежневым на пост ректора МГУ. Тогда же он вместе с сотрудником Института физики высоких энергий опровергателем-идеалистом Фоломешкиным (Логунов был директором Института) объявил, что ему удалось опровергнуть общую теорию относительности (ОТО) Эйнштейна**.

Подобная эволюция — осознание себя великими учеными — является обычной для лиц (как говорят на Западе, — менеджеров), выдвинувшихся на высокие административные посты в науке через деятельность административно-хозяйственного характера. Ведь в процессе этого выдвижения, выбирая в Академию и на высокие посты в ней, их все время объявляли крупнейшими деятелями науки. Их посты стали более высокими, чем посты тех действительно крупнейших ученых, которые способствовали их выдвижению. И вот результат: человеческая психология очень часто попадает в плен этого эффекта публичного восхваления.

Иной тип представлял собой слегка тронувшийся на неприятии ОТО (которой он не понимал) соавтор Логунова — Фоломешкин. Кстати сказать, занятая им позиция не была исключением для квантовых физиков средней руки послевоенного поколения, оторванных от геометрической идеологии и не получивших геометрического образования.

Еще много лет назад, будучи студентом, Фоломешкин уже твердо знал, что опровергнет Эйнштейна, и заключил об этом пари со своим однокурсником Леонидом Петровичем Грищуком. Когда Фоломешкин внутренне осознал, что уже опроверг ОТО, то сначала, как мне рассказывали очевидцы, в начале 1977 г. он приехал в Ленинград к Людвигу Фаддееву, уже держа в руках рукопись, где на титуле значились два имени — Фаддеев, Фоломешкин. Ему нужно было найти академика-толкача, а для этого следовало поделиться с ним своим открытием. Но Фаддеев со смехом отверг это предложение.

И вот осенью 1977 г. началась серия статей и докладов Логунова — Фоломешкина (я, впрочем, не утверждаю, что их писал один Фоломешкин). Я внимательно прочел первые статьи, долго смеялся и твердо решил больше в них не заглядывать. Всякий имеет право беситься, как хочет (казалось мне). Сначала это было довольно невинно, но потом идеалист Фоломешкин нечаянно погиб, а около Логунова появились соавторы нового типа. Логунов стал раздражаться из-за отсутствия признания, начал устраивать в специально им избранных широких и некомпетентных аудиториях публичные доклады-шоу, где ошибки предыдущих текстов (указанные ему кем-то из физиков) никогда не признавались, но тексты и утверждения его соавторами видоизменялись (пока еще поймешь, что говорит оппонент, и найдешь новую ошибку, заседание кончится).

ЦК партии явно одобрял эту деятельность, интерпретируя это по-своему, а именно — как низвержение «еврейского кумира». Значение происходящего в тот — особенно маразматический, позднережневский период 1978—1982 гг. — было очевидно. (Надо сказать, что Стекловка заслушала доклад Логунова и смеялась: Виноградов

* В этом Институте потом произошло весьма значительное улучшение.

** Эта область, впрочем, очень далека от тех разделов физики, где ранее протекала карьера А. А. Логунова. Боголюбов говорил мне, что он совсем не знает эту область.

знал этому цену, а для Понтрягина уровень опровержения сразу стал очевиден.) «Верхи» быстро возвышали Логунова. А. П. Александров нервничал. Критические выступления академиков Лифшица и Зельдовича (поскольку они были евреи) засчитывались «верхами» лишь в пользу Логунова, а Фаддеев в дискуссиях не выступал — он лишь написал об ошибках группы Логунова в «Успехах физических наук» и вызвал этим злбу самого Логунова. Видимо, А. П. Александров искал какого-нибудь камикадзе. Короче говоря, где-то около 1980 г. Леонтович позвонил мне и предложил вместе выступить о работах Логунова по опровержению ОТО. Я был специалистом в этой области, имел в ней несколько работ, взаимодействовал с основными научными школами, а со школой Ландау, по сути дела, вместе работал с начала 70-х гг. (Халатников меня заинтересовал красотаи эйнштейновской гравитации: я думаю, геометр, близкий к кругу физиков, не может обойти эту область.) Я отказал тогда Леонтовичу, и он был очень огорчен.

Прошли годы; в 1981 г. я стал академиком, сменилось несколько генсеков и президент Академии наук. Новый президент Г. И. Марчук, выдвинутый Е. К. Лигачевым, явно поддерживал Логунова. Логунов завоевывал все новые и новые позиции: член ЦК КПСС и комиссии Чебрикова, глава многомиллиардной программы по физике высоких энергий, вице-президент АН, ректор МГУ, глава издательской деятельности Академии, великий ученый — опровергатель Эйнштейна и т. д., один из высших ставленников партократии и КГБ над наукой, номенклатура высшего уровня... Таких сажают на все посты одновременно; нельзя, очевидно, на них одновременно работать — но можно сидеть, раздавая дефицит и тем самым как бы «кормя из рук» научное сообщество, а для работы выдвинуть «темных лошадок». Это обычная схема действий подобной номенклатуры, обеспечивающая поддержку ряда ученых. Но логуновские «лошадки» были особенно некомпетентны. Стало очевидным, что руководство Логунова окончательно утопит университет; мой родной мехмат, который еще в 60-х гг. был лучшим вузом в мире, неуклонно деградировал*. Терпеть стало невозможно.

Опровержение ОТО приобретало гротескно-комические черты. Логунов начал обвинять в печати все физико-математическое сообщество в примитивных студенческого уровня ошибках, повторяемых всеми 70 лет, включая самых великих ученых, математиков и физиков. Видимо, это отражает его уровень, его мнение обо всем научном сообществе — мнение одного из высших администраторов науки. Не удивляйтесь, читатели, низкому деловому уровню тех лиц, которые пытались осуществить августовский путч 1991 г. Наукой ОНИ уже давно так руководили!

Весной 1988 г. происходили выборы на XIX партконференцию; поведение общественности МГУ внушило мне уверенность, что еще не все потеряно. Перед Общим собранием Академии в октябре 1988 г. я позвонил Сагдееву, желая посоветоваться.

«Мне явилась тень Леонтовича, — сказал я. — В случае, если мне удастся выступить на Общем собрании, я хочу вспомнить выступление Леонтовича в 1975 г., напомнить прецедент некомпетентного вмешательства Логунова в дела других областей. Подтвердит ли это кто-нибудь из академиков Курчатовского института, если в ответ будет сказано, что ничего этого не было?» Сагдеев обещал это организовать, дал несколько других конкретных советов. Следуя его рекомендации, я заранее записался, чтобы непременно получить слово.

Через несколько дней Сагдеев позвонил мне вечером и сказал: «Мне тоже явилась тень Леонтовича. Я собираюсь предложить Сахарова в Президиум. Марчук интригует — как бы не пустить меня в Президиум, и добьется своего, ну, а я сделаю это. Только не разглашай, пожалуйста. Это должно быть неожиданным. Людвиг Фаддеев обещал мне проследить, чтобы слово дали своевременно, попросив об этом Велихова в Президиуме».

После некоторого обсуждения каждый из нас — Сагдеев и я — стал реализовывать свою программу. (Мое выступление о Логунове, эйнштейновской гравитации и Московском университете опубликовано в «Вестнике Академии» за февраль 1989 г.) Сагдеев действовал блестяще, но описывать здесь детали этого собрания я не буду.

* Сейчас в МГУ есть некоторые улучшения, но мехмат идет здесь последним.

Надо было посмотреть на физиономии некоторых лиц, сидящих в Президиуме, когда Сагдеев предложил Сахарова!.. Один из «советников» (кажется, Кириллин) издал нечто вроде визга и предложил убрать Сагдеева с трибуны под каким-то предлогом.

Сахарова в Президиум выбрали. По окончании последнего заседания академиков развозили по домам, сажая по трое-четверо в одну машину. Я попал в машину с Сахаровым и Фаддеевым. «Поздравляю Вас с избранием в Президиум», — сказал я Сахарову. «Ваше выступление мне очень понравилось», — ответил он*.

Выступление академика С. П. Новикова

на Общем собрании Академии наук СССР 25 апреля 1990 г.

(Обсуждались кандидатуры вице-президентов Академии наук)

Я благодарен Г. И. Марчуку, который зачитал мое конструктивное предложение. Продолжаю считать, что проблемы высшего образования нельзя «обобществлять», отдавая их одному вице-президенту. Каждая наука или группа смежных наук в лице представляющего их вице-президента и членов Президиума должна заниматься своим образованием и за него отвечать.

Что касается издательской деятельности, пробивания ее технического переоснащения, то 20 лет назад я бы уверенно сказал, что сюда и нужно назначить А. А. Логунова, но при одном условии: чтобы он этим по-настоящему занялся, без огромного количества других руководящих функций. Некоторые наши вице-президенты (не только Анатолий Алексеевич) далеко обошли гения античной истории Гая Юлия Цезаря по количеству одновременно делаемых дел: Цезарь мог делать только три.

В 1988 г. я сообщал Общему собранию свою научную оценку итогов работы группы А. А. Логунова по опровержению эйнштейновской гравитации за десять лет, опубликованную в «Вестнике АН СССР», 1989, № 2.

Позвольте привести научное заключение академика А. Д. Сахарова о работах группы Логунова по созданию РТГ**, опубликованное в журнале «Природа» за апрель 1988 года на с. 26—27 (зачитываю только две цитаты):

«Зельдович и Грищук убедительно показали, что фактически речь идет об эквивалентной формулировке уравнений теории Эйнштейна, а не о новой теории» (с. 26);

«Неправильно утверждение авторов РТГ о неоднозначности выводов ОТО» (с. 26).

Как видите, мнение А. Д. Сахарова, как и мое, таково: своя теория у группы А. А. Логунова не нова, опровержение эйнштейновской гравитации ошибочно. Я понимаю, что у нас в Академии не любят прислушиваться к мнениям академика А. Д. Сахарова — не прислушивались к нему и тогда, когда он предупреждал о страшной угрозе, исходящей от ситуации, когда в руках некомпетентных чиновников находится энергия огромной силы, а ученые смотрят им в рот, угадывая, какая экспертиза им более желательна. И чем это кончилось? Ударило по своему народу!

Плохо, когда научное сообщество возглавляет человек, который его же и опровергает. К чему это привело в МГУ, я уже говорил Общему собранию в 1988 г. (см. «Вестник АН СССР», 1989 г., № 2).

Сделаю еще одно замечание в связи с издательской деятельностью. Вот монография, читаю:

Автор — А. А. Логунов, название — «К работам Анри Пуанкаре „О динамике электрона“», на второй странице — аннотация: «Монография А. А. Логунова „К работам Анри Пуанкаре „О динамике электрона“», изданная Институтом ядерных исследований АН СССР, привлекла большое внимание специалистов. Выполняя многочисленные просьбы читателей, типографией Московского университета

* А. Д. Сахаров тоже указал в научной печати на научную ошибочность этого опровержения ОТО.

** Релятивистская теория гравитации.

А. А. Логунов

**К работам
Анри Пуанкаре
О ДИНАМИКЕ
ЭЛЕКТРОНА**

Содержание

Предисловие

5

А. Пуанкаре

О динамике электрона
(5 июня 1905 года)

11

А. Пуанкаре

О динамике электрона
(23 июля 1905 года)

21

выпущен повторный тираж» (обращаю внимание Собрания, что А. А. Логунов является ректором МГУ).

На третьей странице — посвящение А. Пуанкаре, на четвертой странице — содержание: Предисловие, с. 5; А. Пуанкаре «О динамике электрона» (5 июня 1905 года), с. 11; А. Пуанкаре «О динамике электрона» (23 июля 1905 года), с. 21.

Страницы 5 и 6 занимает предисловие. Прочту лишь последний абзац: «Настоящая работа представляет собой новое издание двух статей А. Пуанкаре „О динамике электрона“, публикуемых для удобства читателей с использованием современных обозначений и сопровождаемых краткими комментариями, в составлении которых принял участие профессор В. А. Матвеев. Комментарии выделены и отмечены знаком *».

Академик А. А. Логунов»

Итак, на с. 6 монография А. А. Логунова завершается. Далее идут труды А. Пуанкаре. Я очень люблю Пуанкаре. Хорошо бы издать то же самое — как труды А. Пуанкаре с комментариями А. А. Логунова и В. А. Матвеева.

Скажите, пожалуйста: какое представление имеет глава издательской деятельности Академии о том, что такое монография?

Благодарю за внимание.

* * *

За кандидатуру А. А. Логунова выступили академики Марков, Боголюбов, Балдин, Фридляндер, Зефилов, члены-корреспонденты АН СССР Желепов, Герштейн. Академик Румянцев задал в конце вопрос: «Разве не бывает в естественных науках ценных монографий на двух страницах?»

Как проходило голосование?

Списочный состав: 268 академиков (после исключения больных и находящихся в заграникомандировках из общего числа 306).

Приняло участие в голосовании: 234.

Для избрания необходимо было набрать более 50% голосов списочного состава (т. е. 135 голосов «за»).

Итоги голосования: «за» — 169.

Решение Общего собрания Академии наук: А. А. Логунов избран вице-президентом АН СССР по высшему образованию и издательской деятельности.